

В два сорок шесть Гарри отправил Добби на волшебную почту в Хогсмид. Поскольку контора закрылась в три дня, он счел благоразумным побыстрее закончить свои дела. Хотя маловероятно, что он будет беспокоиться в этот прекрасный июньский день, он не хотел носить свой плащ в тепле и, конечно же, не хотел рисковать тем, что его увидят сотрудники Хогвартса или члены Ордена.

Крайне разгневанное ответное письмо Гермионы совершенно ясно дало понять, что она не собиралась давать ему презумпцию невиновности. Очевидно, она была убеждена, что, что бы он ни сказал, Дамблдор сможет превзойти это.

Его гнев на Дамблдора иссяк за те несколько недель, что он был один. Он больше не был в ярости, но это не означало, что он смирился с тем, что было сделано. У старого директора было за что ответить, но Гарри не хотел больше тратить силы на то, чтобы злиться по этому поводу. Когда придет время, подумал он, будет отчет.

Между тем, он все еще мог забавляться тем, как много людей поклонялись самой земле, по которой ходил Дамблдор. Такие люди, как Гермиона и Уизли, были вполне готовы принять как истину каждое слово, исходящее из уст Альбуса. Честно говоря, Гарри не мог слишком резко обвинять кого-либо из них. В конце концов, разве сам Гарри не кричал призраку Тома Риддла, что он человек Альбуса Дамблдора? Но все это прекратилось для него, когда он узнал о пророчестве и о том, что с ним произошло.

Да, было много десятков вещей, которые Гарри хотел рассказать Гермионе. Но он не сказал бы ей, пока не получил ее слово. У нее было несколько хороших черт; лояльность, честность, сила убеждений, страсть к делу... и неплохой внешний вид.

Было действительно обидно, что она передавала Ордену все, что он говорил. Это стало очевидным, когда письмо Дамблдора прибыло на почту — письмо, в котором упоминались некоторые вещи из письма Гермионы. «Должно быть, она не теряла времени зря, — подумал он. Бьюсь об заклад, она затопила его, как только прилетела сова.

Он немного улыбнулся про себя, представив себе ее нетерпеливое, взволнованное лицо, подпрыгивающее, чтобы принять меры. 'Я нашел его!' сказала бы она с большим самодовольством; игнорируя тот факт, что она не нашла его и до сих пор понятия не имеет, где он находится. Снимаю шляпу перед загадочными чарами конфиденциальности Owl Post. Поскольку эти чары использовались высшими членами правительства и Визенгамота, чтобы отпугнуть чудаков, даже сам Альбус Дамблдор не смог бы убедить их раскрыть местонахождение Гарри.

Пока только гоблины и эльфы знали, где он. Домовой эльф скорее умрет, чем раскроет заклтый секрет хозяина дома; все эльфы-помощники Добби во время поездки в библиотеку были связаны одним и тем же кодексом чести, пока они были связаны с его работой. И гоблины были очень довольны тем, что он оказал им свое доверие. Им нравилось иметь и утаивать информацию, которую, по мнению волшебного мира, они просто обязаны иметь. Это был один из многих способов, которыми они самоутверждались за кулисами и доказывали себе, что они не марионетки человеческого правительства.

Итак, теперь самым простым было то, что он делал. Поручение Добби привело его на почту, чтобы внести Гермиону и Дамблдора в список людей, которые ни при каких обстоятельствах не должны иметь возможности связаться с ним.

Это был простой вопрос доверия; у него были десятки примеров доказательства того, что Дамблдору нельзя доверять, чтобы он не вмешивался в его дела, его разум или его жизнь. Самым безопасным выходом было просто не давать мужчине ни одной ручки, за которую он мог бы ухватиться.

И поскольку он не мог доверять Дамблдору, он не мог допустить, чтобы она передала его информацию старому суку. Слепое доверие Гермионы к любой авторитетной фигуре отражало большое доверие к системе маггловского образования, предназначенной для создания беспрекословных дронов, где она начала свое маггловское образование.

У него было искушение переехать в Канаду, просто чтобы усложнить задачу вмешивающемуся Ордену. Но ему здесь было комфортно, у него были друзья и хороший дом, и — благодаря его адвокату, гоблинам и Добби — у него было анонимное место, где можно немного подлечиться. В юном возрасте привычка Гарри стоять в стороне от самого себя и наблюдать за ним показала ему, что ему предстоит серьезное психическое исцеление в дополнение к его физическим травмам. А для этого его нужно было оставить в покое. Гарри нужно было освободиться от обязательств, ожиданий и обязанностей, которые все в его жизни пытались навязать ему.

Вздыхнув, он повернулся к своей библиотеке. Посмотрим, что я могу сделать, чтобы обереги стали сильнее. У него были обереги волшебников в его домашней норе, обереги гоблинов, эльфийские обереги... Может быть, я смогу найти какие-нибудь обереги троллей, или вейл, или кентавров, размышлял он, частично думая о том, что принесет обед.

Сила и способность Гарри к магии почти удвоились по силе и ловкости всего за пять дней благодаря его новым открытиям. Он обнаружил, что противоречивые эмоции внутри него также вызывали противоречивую магию, которая начинала самоуничтожаться. Когда часть конфликта была устранена, он мог видеть, что на самом деле он гораздо сильнее, чем кто-либо подозревал.

На самом деле, теперь, когда он научился успокаивать себя по желанию, теперь Гарри знал, что манипуляции Дамблдора с его жизнью напрямую способствовали его эмоциональной нестабильности, его внутренним конфликтам. Все это время люди пытались сказать ему, что «сила, которой не знает Темный Лорд» была любовью, и были совершенно неправы. Любовь, ненависть, страх, голод... самые сильные эмоции годами боролись в Гарри за превосходство, лишая его возможности сосредоточиться. Время от времени одна эмоция брала верх, и его сила в те времена была однозначно великолепной. Однако, вопреки распространенной «мудрости», это произошло не потому, что его «любовь» была его тайной силой. Просто этот тихий замкнутый молодой человек все сильно чувствовал,

И либо Дамблдор знал об этом и поощрял это, либо директор был настолько невежественным и невежественным, что был бесполезен. Даже деньги в любом случае, подумал Гарри. Бросить монетку.

Август

Стоя в своей хорошо укомплектованной и хорошо проиндексированной библиотеке, он размышлял о том, насколько полезными были чары индексации. Он изучил библиотечное очарование, позволяющее искать вещи по темам, по соотношению с другими вещами, по названию или автору. Это было обычным делом, он знал. Что было не так распространено, так это то, как Гарри его использовал.

Благодаря тому, что он получил от «Силы разума», Гарри пришла в голову идея найти способ заставить библиотечное заклинание работать с любым хранилищем информации — например, с его разумом. Он наложил заклинание указателя на свою библиотеку, а затем провел тихий вечер, изучая заклинание в действии. В конце ночи он модифицировал чары *celeritas*, включив в них автоматические перекрестные ссылки. Теперь все, что он читал, пока действовало это заклинание, было исчерпывающе проиндексировано всем, что он знал. У него, по сути, была гармония в голове. Теперь каждое слово было связано с каждым другим словом. По его команде каждая мысль могла вызвать связанную с ней мысль молниеносным образом, что поразительно быстро извлекало связанную информацию. Удивительно, то есть для всех, кроме Гарри.

Кроме того, благодаря практике он довел себя до того, что мог выдерживать усиленный приток заклинания все более и более продолжительные периоды времени. Тем не менее всего несколько часов в день; но несколько часов в темпе, который позволил ему завершить все свои занятия по ТРИТОНу в течение следующих двух лет. В течение трех дней.

Он узнал, что его разум был фокусом его магии; не слова, или жезл, или движения. Благодаря своим умственным упражнениям он мог видеть магию по своему желанию. Очень похоже на восприятие «ауры», с которым он уже имел опыт; но теперь он мог делать это по желанию и видеть вещи гораздо подробнее.

Он мог посмотреть на оберег или чары и сразу же понять, для чего они нужны. В глазах Гарри изучение заклинаний таким образом было похоже на увеличение куска ткани. Достаточно увеличить масштаб, и можно было увидеть отдельные волокна, промежутки между ними, сильные и слабые стороны. Он мог видеть, как продублировать его, увидев его только один раз. Он мог видеть, где он был самым слабым. И он мог видеть «пространства», где можно было полностью обойти его, выполняя все, что он пожелает, без какого-либо эффекта оберега или заклинания — концептуально это было похоже на ныряние под натяжку.

Он мог даже изменить заклинание после того, как оно было произнесено.

Он мог трансфигурировать заклинание после того, как оно было наложено, и проводил довольно много времени глубоко в своей пещере, в своей тренировочной комнате, накладывая медленные заклинания и меняя их маршрут в полете, а затем полностью меняя заклинания.

За два месяца Гарри выучил больше, без учителей и репетиторов, чем любой нынешний ученик Хогвартса, вероятно, выучит за всю оставшуюся жизнь. Не только из-за объема материала, но и из-за разницы между зубрежкой и истинным заучиванием.

Он знал разницу благодаря своим исследованиям в области образования. Студенты, как волшебники, так и магглы, запоминали и рассказывали наизусть вещи, которые они на самом деле не понимали. Вспомнил их достаточно долго, чтобы сдать экзамен. А через два месяца после того экзамена этот студент не смог рассказать вам даже того маленького факта, который запомнил. В раннем взрослом возрасте большинство из них даже не вспоминали, что ходили на курсы, пока их не подтолкнули другие.

Однако обучение было больше, чем сбор и хранение информации; оно обрело понимание того, как эта вещь заняла свое место во вселенной. Оно обрело глубину понимания, которое показывало не только , что так, но и почему . В этом заключалась разница между зубрежкой и истинным образованием; разница между возможностью просто использовать что-то в повседневной жизни и возможностью улучшить это или заменить чем-то лучшим.

Если необходимость была матерью изобретения, то понимание было отцом. Без понимания и способности все необходимое в мире не могло бы породить потомство. Старая Мать Необходимости может быть самой большой шлюхой во вселенной; но без инъекций «О, теперь я понял» от Mac-Daddy Brains, милое маленькое детское изобретение никогда не было бы задумано.

Гарри принял решение: 1 сентября он не вернется в Хогвартс. С этим пришлось бы повременить. Слишком много дел нужно было сделать в первую очередь.

Он знал, что в Хогвартсе нет ничего, что могло бы защитить его от Волдеморта. В тот момент, когда он появился на платформе 9-3/4 — или любой другой платформе — он сразу же подвергся возможности новой атаки. Потому что не было если ; было только когда .

Он знал, что независимо от того, верил он в пророчества или нет, в них верил весь остальной волшебный мир, включая Тома Риддла. Так что, было это правдой или нет, Волдеморт собирался действовать так, как если бы это было правдой, и продолжать пытаться убить Гарри Поттера, и никогда не останавливаться, пока не будет уверен, что он в безопасности.

Он также знал, что Пожиратели Смерти никогда не нападают поодиночке. Как и любой другой хулиган, они были самыми сильными как банда, но по отдельности слабыми и трусливыми. Так что любая будущая атака будет не один против одного, а Гарри против многих.

Гарри придется напрячься, напрячься. Превратите себя в обычного Билли Бадасса. Убедитесь, что, когда на него нападут, он сможет справиться с битвой, сделать ее своей и топтать шеи.

Эмоционально он был сильно раздавлен. Все друзья, которые у него когда-либо были в жизни, будут на этой платформе, в том поезде или в той школе 1 сентября. Его друзья нуждались в его новом обучении, чтобы выжить. Он был достаточно честен, чтобы знать, что фиаско в

Департаменте Тайн закончилось тактической ничьей только потому, что прибыла кавалерия, а плохие парни разбежались. Если бы Дамблдор и авроры не прибыли, Гарри и его безумно храбрые друзья стали бы пищей для змей.

С другой стороны, если бы он появился раньше, чем был бы готов, он бы ничем не помог и мог поставить под угрозу судьбу волшебного мира. Пожиратели Смерти не знали пророчества и, не колеблясь, напали бы на него или его друзей, чтобы снискать благосклонность старого Змеиноного Морда.

Нет. Ему нужен как минимум еще месяц, а может, и больше.

Тем более, что Грипхук согласился помочь ему узнать больше о гоблинах. Во время одного визита, чтобы попытаться разобраться в своих счетах и сбережениях, он понял, что он (как и все волшебники) почти ничего не знает о миниатюрных банкирах.

<http://tl.rulate.ru/book/80319/2440557>